

А САНАЛИ АШИМОВ начал свою актерскую биографию в кино, еще только приступая к учебе на актерском факультете Института искусств имени Курмангазы.

В театр он пришел в 1964 году. Интенсивное овладение законами профессионального мастерства не только свидетельствовало о незаурядной одаренности Ашимова. Это говорило о близком родстве его таланта национальным исполнительским традициям, очень чутким к живой природе актера-творца, щедро расстрачивающего свою душу и чувства и в то же время не скрывающего своей творческой радости от самого процесса игры. Роли, в которых Ашимов открывал для себя очень важные секреты актерской профессии, одновременно становились вехами его творческой биографии.

В ней особенно насыщенными были 1966 и 1967 годы, когда один за другим появлялись на сцене Казахского академического театра драмы такие образы Ашимова, как Касбулат («Буран» Т. Ахтанова), Санжан («Несмешная комедия» А. Тарази), Шуак («Каракипчак Кобланды» М. Ауэзова). А роль Асана в спектакле «На чужбине» (по пьесе К. Мухамеджанова) заняла особое место в творческой судьбе Ашимова, который именно с нее начинал «летоисчисление» своих зрелых актерских работ.

В работе над образом Асанали Ашимова встретился с остро публицистическим материалом, требующим от актера собственного, «личного» осмысления судьбы героя и четкой гражданской позиции. Эмоциональная возбудимость Ашимова, казалось, могла помешать определить точное место Асана в той острой идеологической борьбе, участником и жертвой которой он становится. Сдерживая чувства и переживания героя, последовательно и неуклонно углубляясь в «психологическую разработку» роли, Ашимов до самой генеральной репетиции только «накапливал» душевные богатства образа, не расплескивая их раньше времени. Это и привело к такой огромной внутренней наполненности актера, что уже сама интенсивность духовной жизни Асана становилась важнейшим звеном в том нравственном конфликте со своей совестью, который приводит героя к трагическому финалу.

На фоне механически бездушных манекенов Асан — единственная живая фигура в стане туркестанской эмиграции и их западных хозяев. И вот среди этого сброда ходит человек, который действительно любит свою далекую родину, разлука с которой не только не ослабила тоску по ней, но и еще больше обострила

ее. Пристальный интерес и внимание актера к социальной проблематике образа определили презритель и точность оценок всех поступков героя.

Глубокий и вдумчивый анализ, положенный в основу работы над образом Асана, не ослабил эмоциональной поэтической воодушевленности игры Ашимова, но придал ей целенаправленную свободу.

Сила аналитического метода, испробованная актером в этой роли и приведшая к принципиальной победе, не искоренила его глубокой привязанности к насыщенной эмоциональности сценического рисунка об-

раз. Этот своеобразный синтез означивала пору подлинной творческой зрелости и настоящего умения самостоятельно работать над ролью. Предельная чуткость актера к зрительному залу заставляет его трезво пересматривать уже «обжитые» и привычно удобные краски сценического характера, безжалостно отсекая все лишнее, оставляя только самое необходимое.

Это умение Ашимова удавливать тончайшие реакции зрительного зала особенно важно для актера Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова, где спектакли живут по десять и даже двадцать лет. Актер предельно чуток к внутренней подвижности своих сценических образов, к их «движению во времени». Это и сохраняет их долгую жизнь на сцене, придавая им остроту современного звучания.

Причем, чем труднее и ответственнее роль, тем заметнее проявляется эта особенность ашимова таланта. И самым убедительным примером здесь может стать роль Еламана из «Крови и пота».

Актерам в этом спектакле очень нелегко. Жизнь героев накануне революции — как тревожно натянутые под ударами шторма рыбацкие сети, прочность которых и испытывается на протяжении сценического действия.

Сценический герой Ашимова действует в обстоятельствах, подчеркнуто зуровых, цветовой и световой гамма спектакля кажется однокрасочно мрачной. Рыбаки в неуклюжих и потертых одеждах едва различимы на

большой, тускло освещенной сцене. В нелегком и опасном труде Еламана и других рыбаков, с их каждодневным риском и редкой удачей, режиссер и актер отказываются видеть романтику «морских просторов».

Море в спектакле коварно и ненадежно. Его тревожный образ воссоздан в спектакле лишь световой иллюзией ночного промысла, когда фигуры рыбаков то погружаются под лед, то в судорожной борьбе с бушующей стихией вырываются на поверхность. Жизнь героя спектакля сразу же предстает перед зрителем с недвусмысленной определенностью. Он не

еще немало новых испытаний, его ждет новая борьба, жизнь и дальше будет щедро полита кровью и потом.

Вот эта безжалостная правда сложных и трудных человеческих судеб и придает спектаклю «Кровь и пот» такую драматическую напряженность. Прожить жизненный путь героя в такой «разряженной» эмоциональной среде очень непросто. Каждой сцене отданы огромные физические и духовные силы.

Играть Еламана очень трудно. Но зато ничто не может сравниться с творческой удовлетворенностью, когда случаются «удачные» спектакли.

спектакле «Восхождение на Фудзияму» по пьесе Ч. Айтматова и К. Мухамеджанова. Работа эта принесла актеру большую творческую радость: ведь современная пьеса такого высокого художественного уровня — явление довольно редкое на нашей сцене. Актер ждал такой зрительской реакции, чтобы знакомство с этим человеком, таким как будто знакомым, привычным, которого нередко встречаешь в нашей повседневной суете, выросло до страстного и жестокого приговора жизни, пошлой и беспринципной. К решению этой задачи актер идет уже во всеоружии своего профессионального мастерства.

Безжалостность и жестокость актерской позиции, с высоты которой Ашимов развенчивает своего героя, может даже показаться вдруг в чем-то прямолинейно однозначной. Татаев Ашимова беспредельно уверен в себе, драматические события, в которые попадают герои спектакля, ничему не могут научить его: он не собирается пересматривать свою жизнь, как не собирается скрывать свою победоносную удачливость от таких неудачников, каким он считает Мамбета Абаева и ему подобных. Он не из тех, кто терлется при осознании того, что его беспринципность и бесчестьность становятся очевидными для окружающих. И Ашимов сознательно стремится подчеркнуть именно эти черты в характере своего героя.

Для Ашимова в образе преуспевающего историка, директора института Татаева главным становится агрессивное барство этого демагога и догматика, с бездумной наглостью перебрассывающего все нерешенные и мучительные проблемы на выносимые плечи Истории. Рост зрительского негодования к этому герою спектакля прямо пропорционален тому самоуверенному самодовольству, с которым Татаев принимает дары и блага жизни. Точность игры Ашимова послужила полному развенчанию «интеллигентного» мещанства...

«Каждое десятилетие творческого развития коллектива выдвигало новые талантливые имена мастеров казахской сцены, в искусстве которых с наибольшей отчетливостью отражалось направление ее художественных исканий. Современный этап истории Казахского академического театра драмы во многом обозначен успехами того актерского поколения, к которому принадлежит Асанали Ашимов. В творчестве Ашимова, в формировании и утверждении его художественной индивидуальности воплотились основные художественные тенденции жизни театра, расширяющего и обогащающего образный язык казахского сценического искусства.

Л. БОГАТЕНКОВА.

РОЛИ ОДНОГО АКТЕРА

Казахский академический театр драмы имени М. Ауэзова открыл свой юбилейный, 50-й сезон. В статье кандидата искусствоведения Л. Богатенковой рассказывается о работах одного из ведущих актеров театра Асанали Ашимова.

рассуждает о тяготах этой жизни, он терпит, пока хватает терпения. Но терпение это на исходе.

Тревожные и трудные думы Еламана, которые туго переплетаются в его сознании, предельно обнажаются в одной из сцен, где большое место занимает очень трудный прием внутреннего монолога, с поразительной смелостью примененной режиссером. Но и в этой сцене Еламан не хочет сгущать беспросветную картину своей жизни, более того, он словно закликает судьбу: не напоминай еще раз о моих унижениях и несчастьях.

Еламан в этой сцене ничем не похож на идеального народного героя, гордого орла со «стальной оперенией». Перед нами — страдающий, глубоко несчастный, но не озлобленный человек. Испытания, выпавшие на его долю, до предела обострили его оценку окружающих людей и событий. Но в нем продолжает жить глубокое чувство надежды.

Актеру важно показать, как идет его герой к трудному счастью борьбы за свободу, ему важно прозрение Еламана. Обретение им широты взгляда на мир. Уже в страстном монологе перед сценой убийства местного богатея он думает обо всем обманутом, многострадальном народе.

Но столько трудных дорог пройдет Еламан, прежде чем придет к осознанию всенародного интереса в борьбе за счастье всех обездоленных и угнетенных. Да и в финале спектакля поведение Еламана Ашимова свободно от однозначных ответов и прямолинейных выводов; герою предстоит

21 июля 1976 года

Семинская Семена
г. Алма-Ата